

диалог

Не торгуйте камнями с баррикад

- Юлиан Александрович, поскольку советская империя рухнула, то, видимо, можно считать, что РС достигла той цели, ради которой она некогда создавалась?

- Я не думаю, что «Свобода» была орудием для борьбы с СССР. С тоталитаризмом - да, но со страной... Крушение Советского Союза как государственного образования у большинства из нас особого восторга не вызвало. Конечно, не секрет, что на протяжении первых двадцати лет своего существования РС финансировалась из фондов ЦРУ (с 1972 года деньги на содержание «Свободы» поступают из бюджета Конгресса США). Конечно, РС много лет участвовала в том, что было принято называть идеологической борьбой, но в том-то и омысел, что речь шла именно о борьбе с идеологией. Причем в отличие от беспредела советских идеологических бойцов мы действовали в условиях достаточно жестких правил. Существует «Кодекс журналиста радиостанции «Свобода», и в нем заложено довольно много различных ограничений. В частности, строжайше были запрещены любые личностные оскорбления в адрес руководителей СССР. Советские коллеги, помнится, свое воображение по поводу руководителей США особо не стесняли. А на вопрос, выполняли ли «Свобода» свою задачу, отвечу встречным вопросом: разрушен ли тоталитаризм? По моим личным наблюдениям, до этого еще далеко.

- Боюсь, что вы правы. Но профессиональных борцов за демократию нынче и на отечественной территории в избытке. Не потеснят ли они РС, вещающую из Мюнхена?

- Свою исключительность в качестве источника свободной информации РС потеряла. «Свобода» постепенно превращается для России в одну из многих радиостанций, отличающуюся от прочих, может быть, только тем, что ей по статусу запрещено заниматься платной рекламой. Конечно, существует совет директоров по международному радиовещанию, существует, наконец, даже лобби в Конгрессе США, поддерживающее интересы нашей радиостанции, то есть я не думаю, что финансирование «Свободы» в одночасье прекратится. Но в том, что необходимо конкурировать с коллегами, ра-

Третьего марта радиостанция «Свобода» (РС) исполняется сорок лет. Возникшая за два дня до официальной даты смерти величайшего теоретика и практика отечественного тоталитаризма товарища Сталина, эта радиостанция всю свою историю занималась планомерным разрушением его, казалось бы, совершенно несокрушимого наследия. Если бы в России по-прежнему выдавали награды к юбилеям, то «Свобода» вполне могла бы рассчитывать на какой-нибудь вполне приличный орден от демократических властей с формулировкой: «За многолетний и выдающийся вклад в дело борьбы с тоталитаризмом». Однако до широко масштабной раздачи орденов дело у демократов, слава Богу, пока не дошло. Да и самой РС сейчас, похоже, не до наград. У сотрудников знаменитой радиостанции, вещающей по-русски, несмотря на месторасположение в Мюнхене, проблемы почти те же, что и у большинства их коллег из средств массовой информации в России. Речь идет о том, чтобы прожить и выжить. При этом выжить так, чтобы, не потеряв самоуважения, сохранить уважение слушателей. Именно об этом, об уважительной жизни, мы беседуем с легендарным ведущим РС Юлианом ПАНИЧЕМ. На протяжении двадцати лет его голос пробивался через заградительный реж всех глушилок могучей империи. Для целого поколения советских людей, часами крутивших ручки настройки своих приемников, чтобы сквозь помехи услышать прозу Солженицына, публицистику Сахарова, стихи Бродского, его голос был в полном смысле слова голосом свободы.

ботающими в России, я, например, не сомневаюсь ни на секунду. Выигрывать надо за счет более высоких профессиональных качеств, постоянной нацеленности на работу. Необходим журналист-осознаватель, способный понять причинно-следственные связи, дать разумно сдержанный комментарий к событию. Ну и, конечно, не следует забывать о том, что «Свобода» - радиостанция американская. А в этой стране радио в постоянной конкуренции с телевидением и газетами сумело сформировать свои, сугобо специфические стиль и методы работы. В конце концов радио - это ведь не говорящая газета. Есть и другие способы завоевания интереса слушателей. Вот сейчас мы с женой, режиссером Людмилой Панич, приехали в Москву, чтобы за двадцать дней записать пять радиоспектаклей. Мы инсценировали несколько рассказов Довлатова, Кунина, Кинга. Работаем с выдающимися по мировым меркам актерами: Смоктуновским, Борисовым, Гердтом, Догилевой, Дуровым, Чуриковой, Табаковым. Надеюсь, что появление этих радиоспектаклей будет новым словом «Свободы».

- У вашего покойного друга Галича была знаменитая песня «Когда я вернусь...» Вот вы вернулись, и что же?

- А с чего вы взяли, что я вернулся? Я не могу сказать, что вернулся домой, хотя бы потому, что у меня здесь нет дома. Квартиру отобрали, когда мы уезжали. Кстати, и уехать-то мы смог-

ли в конечном счете благодаря той квартире...

- Это как же?

- А очень просто. Нормальным советским способом. Когда в 1971 году мы подали заявление в ОБИР на выезд из СССР, то буквально через несколько дней меня вызвали в компетентные органы и заявили примерно следующее: «Вы что, Панич, с ума сошли? У нас фильмов, где вы в титрах, как минимум штук тридцать. Что ж нам теперь их не показывать, что ли? Будете сидеть в отъезде и никуда не поедете». Но у нас была хорошая квартира, и она очень нравилась нашему соседу, человеку тогда весьма влиятельному. Как-то моя жена случайно рассказала его супруге о наших сложностях с выездом. Он зашел к нам, еще раз очень внимательно осмотрел квартиру, и... через пару недель нас выпустили.

- А тридцать фильмов так и не показывали?

- Конечно, причем до самых последних времен. «Педагогическую поэму», «Кочубея», «Разные судьбы»... В общем, все, где я снимался или которые снимал в качестве режиссера.

- Но мы отвлеклись от вопроса о возвращении...

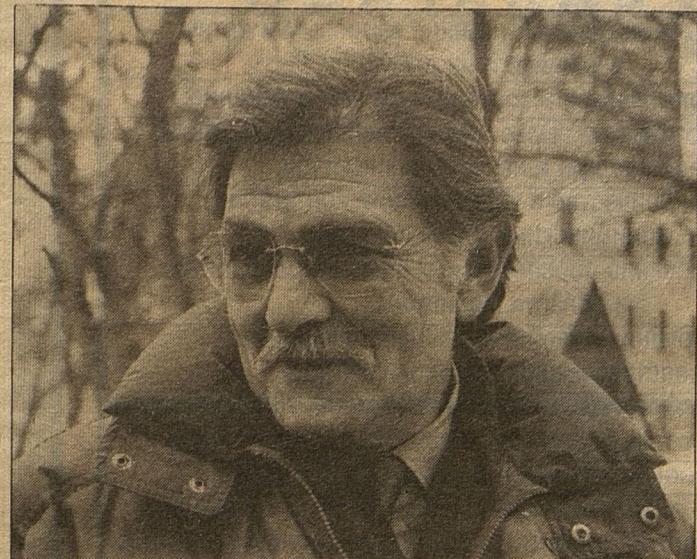
- Я уже пятнадцать лет гражданин США и отношусь к этому очень серьезно. Когда я, уже молодой человек, произносил наивные и возвышенные слова клявиты американского гражданина, то осознал, что многое в моей жизни кардинально переменялось. Отныне за моей спи-

ной стояла великая держава, готовая сделать все, чтобы защитить меня в любой точке планеты, но при этом - полная самостоятельность и самоответственность, никто здесь и в голове не держит, что государство станет его опекают.

Я хожу сейчас по Москве, смотрю на происходящее вокруг и диву даюсь - какое же огромное количество обиженных взрослых людей. Миллионы граждан, почувствовавших себя брошенными государством. Наверное, у всего этого есть и более глубокие исторические корни, но несомненно, что большевистский тоталитаризм превратил некогда вполне самостоятельный народ в нацию-подростка, незрелого, обидчивого и зависимого, страстно желающего и одновременно катастрофически боящегося самостоятельной и самоответственной жизни.

- Сейчас и значительная часть интеллигенции, совсем недавно восторженно принимавшая крушение тоталитаризма, начинает отворачиваться от нынешней, при всех издержках, все-таки демократической власти...

- Как-то, довольно давно, я прочел описание одной сцены из российской жизни более чем столетней давности: идет вечный интеллигентский треп о необходимости перемен, и один из собеседников, кстати, отец знаменитого профессора Тимирязева, произносит: «Если начнется революция, я пошлю своих детей таскать камни для баррикад!» Я тогда подумал: дети будут таскать

камни, а кто-то, более оборотистый, станет этими камнями торговать. Интеллигенция, по определению, не из породы торгующих. Значит, не ей и наживаться на плодах любого переворота. Тем более что интеллигенции просто положено быть в оппозиции к любой власти. Контролировать нравственную сущность власти. Но есть и другая часть интеллигенции. Та, которую предыдущая власть старательно прикармливала. За конформизм, за молчание, за сотрудничество. Но и эти люди, находясь в постоянном состоянии страха и унижения, ту власть ненавидели. Теперь первая радость освобождения от страха прошла, а прикорма стало меньше. Здесь, в общем-то, тривиальная история про чечевичную похлебку.

Думаете, мне нравится то, что я вижу в Москве? Ведь что бы я вам ни говорил - это город, где прошли сорок лет моей жизни. Дома, улицы - все как будто после артобстрела. «Блошиные» рынки, разномастные, вонючие, неотрегулированные автомобили - типичная нищая страна третьего мира. Нищета, мерзость, запустение - небывалая по стремительности ломпензация населения. Да кого же все это может радовать? Но я твердо знаю одно: все надо пережить и перетерпеть, города и страны живут своими циклами упадка и возвышения. И уж во всяком случае не уповать по-детски на государство и его власть. Человек и власть, по сути, равны в своих возможностях изменения жизни. Вот и взаимоотношения их должны быть отстраненными и уважительными. А иначе рано или поздно власть снова потребует, чтобы подданные ее любили. Семьдесят лет уже любили, хватит. Неужто забыли: «Да здравствует

наша любимая советская власть»?! Умение перетерпеть - это тоже показатель зрелости нации. А качество национальной интеллигенции определяется ее способностью объяснить это своему народу. Звать-то на баррикады да рвать рубашку на груди большого ума и таланта не надо. А по нынешним временам даже смелости особой для этого не требуется. Осознать, объяснить, убедить - дело благородное и истинно интеллигентское. Не сумеет этого интеллигенция - заплатит по обыкновению безвременьем и невостребованностью.

- А сами-то почему уехали? Ведь и как актер, и как режиссер вполне преуспевали. Сейчас-то с американским паспортом легко раскулачить...

- От этого самого, от страха и унижения уехал. Понял, что больше так не могу, просто умру и все. Мой отец, весьма известный военврач, умер в 50 лет. После вскрытия его приятель, врач-патологоанатом, рассказал мне, что у отца было восемь рубцов на сердце. От постоянного страха и вечных унижений.

Я-то ведь и диссидентом никогда не был. Просто хотел работать, а не бороться за право дело делать. Понял к сорока годам, что хочу жить уважительно, а не дадут. Будут постоянно путать и унижать. А насчет американского паспорта... Так ведь я свой выбор сделал двадцать лет назад, когда, как вы знаете, это было совсем не просто. Дай-то Бог, чтобы никому больше не пришлось уезжать из России от страха и унижения.

Беседу вел Юрий БЕЛЯВСКИЙ
Фото Владимира ЕШТОКИНА